

Добрыня и Алеша (11)

Во стольном городе во Киеве,
Как у ласкова князя у Владимира
Заводилось пируваньё-столованьё,
И почестен пир.
Собирались да тут все богатыри,
На пиру все принапивались,
На пиру все принаедались,
И стали они хвастаться.
Умной хвастат старой матерью,
Безумной хвастат молодой жоной,
А сильной хвастат своей силушкой,
А богатой хвастат золотой казной,
А мне, Илье Муромцу, нечем было похвастаться.

Стал он хвастаться. Владимир вышел из-за стола дубового:

«Кто бы съездил до Волыни Сорочинския,
До моего тестя любимого —
Вырубил чудь белоглазую?»
Все за столом приумолкли,
Все за столом стали друг за друга прятаться.
Вставал Добрыня Никитич и говорит:
«Съезжу я до твоего тестя любимого —
До неверного короля,
До Волыни Сорочинские.
Вырублю, говорит, чудь белоглазую,
И всех черкес со татарами!»
Наливает ему зелена вина полтора ведра.

Бежит домой седлать коня. Мать у его была Матрена Тимофеевна: «Куда ты так скоро?» —
«Я поеду в Орду неверную». А Настасья Тимофеевна, жена была, выбежала в одной тонкой сорочке. «А долго ли проездишь?» — «Если проезжу три года, то, говорит, не считай в живых!»

Вот он уехал. Ждала его три года. Год за годом — как река бежит; неделя за неделей — как дождь дождит. А в этот момент Алеша Попович приехал и привез весть нерадостную: Добрыня убит, сквозь желты кудри трава проросла. Стали ходить свататься. «Я не пойду ни за кого замуж. Исполнила заповедь мужа. Исполню заповедь свою — еще буду три года ждать». Вот ждет три года — он ездит в Орды.

Она пошла за Алешу Поповича. Уже свадьба идет, к венцу надо ехать. Он ехал, шатер раскинул. Ему конь проязычил человеческим голосом (*Сказка ишь!*): «Закатилось солнце красное, уходит у тебя жена взамуж». Он соскочил, коня заседлал, полетел так. Не спросил у ворот приворотников, у дверей придверников. Заходит в избу столовую, кладет крест пописанному. Приходят тут слуги с жалобой. Он скоморохом одет — мать его не признала. Он играл на арфе. Он приехал, зашел домой, а мать говорит: «Было бы цадо милое, не пришел бы так-то». Он долго ездил — оброс весь.

Он и пошел на бал-то. Свадьба идет. Алеша с евоной женой. Пришел и сел на песно место, и заиграл в гусли. Она и говорит: «Играет, как мой прежний муж». Князю понравилось, он стал садить:

«Садись, доброй молодец, первое — возле меня, второе — против меня, третье — куда сам желаешь». А он не сел против его и возле его, а он сел возле жены. Ему приносят чару зелена вина.

А он спустил туда кольцо обрученное и подает этой, как сказать, княгины, своей-то жоны:

«Выпей-ко от меня цару, пей до дна, так увидишь добра; не выпьешь до дна — так не увидишь

добра!» Кольцо к губам подкатилось. (*Чары-то глиняные были, когда богатыри были.*) Она

взяла, а кольцо-то ейно, именное. Она тут и ахнула: «Не тот муж, кто подле

меня, а тот, кто против
меня!» Тогда у его и закипело сердце богатырское. Схватил Алешу
Поповича за желты кудри
да хотел его о кирпичной пол хлопнуть, да его захватил Илья Муромец, не
дал.

(Зап. В. В. Митрофановой 15 июня 1961 г.: д. Лебское Лешуконского р-на —
от О(А)ксенова Егора Трофимовича, 70 лет, и О(А)ксенова Луки
Трофимовича, 76 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.